ПОЛИТОЛОГИЯ /POLITICAL SCIENCE

УДК 32.01(100)

ПРОБЛЕМАТИКА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

PROBLEMATICS OF COMPARATIVE POLITICS

©Куппаева Б. Т.
канд. полит. наук
Казахский Национальный Аграрный Университет,
г. Алматы, Казахстан
Bota160@mail.ru
©Kuppayeva B. T.
PhD
Kazakh National Agrarian University
Almaty, Kazakhstan
Bota160@mail.ru

Аннотация. Сравнительные исследования сегодня — это объективная потребность, необходимая и живая реальность. Сравнительный анализ позволяет понять политическую практику различных стран, осуществить политический прогноз, помогает выявить ценный опыт, дает возможность учесть негативные стороны, неэффективность тех или иных политических решений. Сравнительные исследования позволяют выйти за пределы определенной страны, сделать более широкие научные обобщения. В статье автор приводит сведения о политическом анализе нескольких авторов. Развития различных подходов и современный взгляд на данную проблему нашел отражение в представленной работе. В заключении автор отмечает также и изменения тематики сравнительной политологии.

Abstract. Comparative studies today — is an objective need, necessary and living reality. The comparative analysis allows us to understand the political practices of different countries to implement political outlook, it helps identify valuable experience makes it possible to take into account the negative side, the ineffectiveness of certain political decisions. Comparative studies allow to go beyond a certain country, to make wider scientific generalizations. The author provides data on the political analysis of several authors in article. Developments of various approaches and the modern view on this problem found reflection in the presented work. In the conclusion the author notes as well changes of subject of comparative political science.

Ключевые слова: сравнение, метод сравнительного анализа, сравнительная политология, типы сравнительных исследований, экстраполяция научного знания, проблема несовместимости неидентичности политологических категорий, нетождественность политических терминов, проблема Гэлтона.

Keywords: comparison, method of the comparative analysis, comparative political science, types of comparative researches, extrapolation of scientific knowledge, problem of incompatibility of not identity of politological categories, not identity of political terms, Galton's problem.

Методы сравнительного анализа. В политической науке сравнение, метод сравнительного анализа становится неотъемлемой ее частью. Диапазон применения в изучении политики сделали сравнительный анализ центральным в политологии. Он приобретает все большую значимость. Его основные цели: разработать систему знаний об управлении и политике в целом; дать оценку политическому опыту, институтам, поведению и процессам с точки зрения причинно–следственных связей; прогнозировать события, тенденции и последствия. Сравнительное исследование выполняет три функции: интерпретирует переменные с точки зрения аналитических схем; выявляет проблемные зоны и тенденции; прогнозирует институциональные тренды и процессы. Сравнение должно пройти следующие этапы: 1) сбор и описание фактов на основе и при условии соблюдения тщательно составленных классификационных схем; 2) выявление и описание тождества и различий; 3) формулирование экспериментальных гипотез; 3) проверка гипотез путем эмпирических наблюдений с целью развития исходных идей. Один из важных моментов сравнительного политологического исследования состоит в сборе данных. Для сбора данных необходима *определенная логическая структура, аналитическая схема.*

Преимущества аналитической схемы состоят в следующем: изучение политической системы на основе предложенных категорий дает возможность сопоставления с другими системами на основе этих же категорий. Аналитические схемы позволяют исследовать политические процессы в различных системах путем сравнения; сравнительное исследование полнее раскрывает инструменты достижения целей; сравнительное исследование позволяет выявить сферы, в которых предполагаемые действия могут вызвать незапланированные последствия. Американский политолог Р. Макридис показал возможности сравнительного анализа, разработав схему из четырех основных аналитических категорий политических систем: а) совещательный процесс и принятие решений как функция политики; б) формы власти, ее социальные и политические аспекты; в) идеология и ее роль в политической мотивации и институциональной организации; г) организация политической власти. В сравнительном политическом анализе особенно важную роль играют системный и структурно–функциональный анализ [1].

Главные черты системного анализа политической системы Д. Истон характеризовал следующим способом:

1. Политическая система — это ряд взаимодействий, посредством которых распределяются ценности в обществе. Истон подчеркивает элемент «авторитетного (обязывающего) распределения ценностей» в политической системе.
2. Политическая система имеет «реагирующий» и «саморегулирующий» потенциал, позволяющий изменять, корректировать внутренние процессы и структуры во избежание саморазрушения.
3. Политическая система — это открытая система, поддающаяся изменению под влиянием факторов внешней среды.
4. Среда политической системы может быть интрасоциетальной и экстрасоциетальной.
5. Политическая система может сохранять устойчивость при наличии баланса между «входящими» и «исходящими» импульсами [2].

Структурно–функциональный анализ Г. Алмонда дополнил системный подход. По мнению Алмонда, входящие и исходящие факторы политической системы следует

анализировать с точки зрения функций, заложенных в недрах системы. Кто, какие структуры, какие функции выполняет и каким образом? Алмонда интересует роль, которую играют устойчивые структуры политической системы. Алмонд пытается решить проблему стабильности и постоянства структур, называя функции, которые способствуют поддержанию системы — регулирующую, экстрактивную, распределительную и реагирующую [3]. Структурно — функциональный подход показывает высокую эффективность в сравнительном анализе политических систем, оперирует целым набором переменных, предлагает ряд стандартизированных категорий, успешно применяемых в анализе отличных политических систем. Некоторые политологи утверждают, будто структурно–функциональный подход к политике консервативен по своей методологии, будто он смещен в сторону поддержки статус–кво, ибо описывает совокупность институтов, существующих в данное время. Но, даже принимая во внимание эту ограниченность структурного функционализма, он обогатил сравнительную политологию. Представители данного подхода четче обозначили сложность отношений социальных и политических явлений; способствовали осознанию важности функций политической системы и сконцентрировали внимание на всей социальной системе как среде для политических феноменов.

Американскому политологу К. Дойчу принадлежит разработка кибернетической модели политической системы. Дойч сравнивает политическую систему с самонастраивающейся кибернетической системой. Управление заключается в пилотировании, которое зависит от информации о положении цели, о том, какое расстояние осталось преодолеть, и о результатах предыдущих действий. Дойч анализирует систему через призму обратной связи, т. е. с точки зрения управления действиями на основе опыта прежних ошибок. В данной теории именно информация определяет эффективность власти. Правительство действует как кибернетическая система: оно самостоятельно принимает решения на основе информации о внешней среде и о своем собственном состоянии. Необходимо, чтобы информация циркулировала по всей системе, нервировала ее многочисленными сетями, «нервами управления» [4]. Необходимо, чтобы власть была информирована, и чтобы она могла информировать для эффективного управления. Необходимо, чтобы были различные коммуникационные сети, информационные каналы, движение информации от власти к гражданам и от граждан к власти.

Данные концепции открывают новые горизонты в политические науки. Эти подходы весьма полезны для проблем макроанализа, для изучения переменных, от которых зависит сохранение типа системы, и они весьма пригодны для систематического эмпирического анализа.

Также системный подход в сравнительной политологии позволяет всеобъемлюще осветить такие проблемы в сравнительной политологии как модели демократии и диктатуры, горизонтальное и вертикальное, функциональное и территориальное разделение властей, сущности и формы государства, политические институты, институты политического лидерства, законодательные и судебные институты, избирательные системы, политические культуры в сравнительном аспекте.

Проблематика сравнительной политологии чрезвычайно разнообразна. Объектом сравнительного анализа может быть территориальная организация власти в различных странах, которая характеризуется различными формами вертикального и горизонтального распределения власти, различными формами политических институтов.

В поле зрения компаративиста находится проблема соотношения унитаризма, федерализма, конфедерации с различными типами политической системы и режимов. В США и в Советском Союзе была федеральная форма государственного устройства, однако в Америке властвует демократическая система, а в СССР была авторитарная модель. Существуют ли

корреляции между формой государственного устройства и типом политической системы? На этот вопрос пытается отвечать сравнительная политология.

Актуальной проблемой в политической компаративистике является проблема развития и политической модернизации в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Модернизация понимается как трансформация от традиционного общества к переходному или от модернизирующегося к индустриальному обществу. Модернизация предполагает определенные типы политической системы, необходимые для разных этапов политического развития.

Сравнительные исследования политического поведения дали значительные результаты в изучении изменений ценностей граждан. Раньше исследования политического поведения были посвящены изучению соотношения между развитием индустриального общества и изменяющимися ценностями населения. Позже эта область расширилась благодаря анализу процесса изменения ценностных установок, сопровождающего развитие постиндустриального общества.

В этом смысле интересной представляется идея Р. Инглхарта о движении ценностных ориентаций в направлении постматериальности. Его трактовка перемен в системе ценностей базируется на двух посылках. Инглхарт полагает, что приоритеты в обществе формируются в соответствии с ориентацией на «нехватку» чего-либо: люди придают большую ценность тому, чего в обществе относительно мало. И второе — Инглхарт исходит из того, что личностные ценностные ориентации человека отражают те условия, в которых проходила его социализация. Сочетание этих двух установок создает общую модель формирования ценностных ориентаций: основные ценностные ориентации человека формируются в раннем возрасте как реакция на социоэкономические условия (личные и социальные) того периода и, сформировавшись, эти ценности остаются неизменными.

Ингалхарт считает, что социоэкономические условия, преобразующие западные индустриальные общества, изменяют и ценностные приоритеты населения. Люди старшего поколения подчеркивают значимость «материальных» целей общества, таких как экономическое благополучие, общественная безопасность, законность и порядок, религиозные ценности и сильная национальная оборона. Молодое поколение в западных странах смотрит на «постматериальные» цели — самовыражение, личную свободу, социальное равенство, самореализацию и поддержание качества жизни [5].

Еще одна грань применения сравнительной политологии — изменения в избирательном процессе. Выборы — центральный элемент в механизме представительства современных демократий. Одной из главных тем исследований избирательного процесса становятся изменения относительно значимости факторов, влияющих на решение избирателей. Политический выбор в большинстве западных демократий традиционно определялся классовыми, религиозными и другими социальными факторами. Во втором издании книги «Политический человек» Липсет, используя сравнительный инструментарий, показал снижение влияния классовой принадлежности избирателей на результаты голосования в ряде западных демократий. Подобного рода сравнительные исследования были проведены в Австралии, Великобритании, Германии, Японии. Главный вывод исследований избирательного процесса — социальное положение не определяет политическую позицию человека. М. Франклин на примере 14 западных демократий выявил размывание жесткой корреляции социальной структуры с исходами голосования. Сравнительный анализ избирательного процесса М. Франклина резюмировался следующим выводом — практически во всех изученных нами странах заметно снижение влияния социальной дифференциации на выбор избирателя.

Также исследователи–компаративисты зафиксировали возросшее влияние имиджа кандидата на принятие американцами решения при голосовании. Сравнивая ряд западных

демократий налицо усиление персонализации избирательных кампаний в странах Запада: фотографии, интервью, встречи с людьми на улицах, теледебаты.

Все эти изменения в электоральном процессе приводят к «индивидуализации политики». Граждане пытаются сами разобраться в политике и принять собственные политические решения.

Сравнительные исследования предоставили уникальную возможность исследовать процесс становления демократических партийных систем Восточной Европы и Юго–Восточной Азии. В новых демократиях исследуется процесс их становления, изучаются как укрепляются симпатии к новым партиям, как создаются образы новых партий, как граждане учатся делать выбор и учатся представительной демократии.

Типы сравнительных исследований

Сравнение бывает структурно разным в зависимости от количества сравниваемых объектов, от числа оснований, по которым объекты сравниваются и от характера раскрываемых отношений.

Платон сравнивает античные полисы не вообще, а интересуется формами правления. Г. Алмонд и С. Верба сравнивают пять наций, определяя для анализа область политической культуры. М. Дюверже сравнивает политические партии и партийные системы, Д. Элейзер концентрирует внимание на способах территориальной организации, что и выступает основанием для сравнения различных федеративных систем. А. Лейпхарт исследует условия становления демократии в поликультурных сообществах

Существуют различные типологии сравнений. Одна из них — типология возможных сравнительных исследований. Первым типом подобного научного анализа является морфологический тип сравнения. В этом случае явления сопоставляются по структурам и функциям. Примером морфологического сравнения может служить сравнение «политий» с помощью классической триады «монархия — аристократия — демократия». Следующим типом выступает субстанциональное сравнение, при котором соотносятся не формы, а их содержание. Сравнение данного типа весьма популярны при исследовании восточных, постсоветских и подобных им систем. Мифологический тип сравнения основан на противопоставлении «антикачеств». Примером такого сравнения являются категории Европа, Запад, Цивилизация и т.п. с парными им Азией, Востоком, Варварством и т. д. Интегральные сравнения предполагают комплексную оценку характера и степени влияния на политические институты географической среды, хозяйствования, культуры. И обратного воздействия политики на эти среды

Сравнения могут строиться в малом временном масштабе. Сравниваются и однотипные события политической истории. Также производится эволюционный тип сравнения, т. е. сравниваются политические явления с определенным этапом эволюционного развития. Также различают диффузионный и генетический типы сравнений, псевдоморфический и псевдосубстанциональный типы.

Российский компаративист Л. В. Сморгунов предлагает свою типологию сравнительных исследований, подразделяя их на “case–studies”, бинарные региональные, глобальные и кросс–темпоральные [6]. Советский философ В. И. Бартон различает качественное и количественное сравнение; случайную, развернутую, всеобщую и идеальную формы сравнения; монорелятивное и полирелятивное сравнение [7].

Еще одна грань проблемного поля сравнительной политологии, методологическое своеобразие, как считает российский политолог Митрохина Т. Н. — это экстраполяция научного знания, сущность которой состоит в заимствовании познавательных систем из других наук [8]. Эту проблему отмечает также и американский исследователь политической науки Дж. Джексон [9]. В результате подобного заимствования научного знания политическая наука, политическая

компаративистика обогатилась кибернетическими моделями и такими технологическими терминами как «процесс», «система», «элемент», «обратная связь». Из экономической теории в политическую компаративистику была взята теория рационального выбора. Из математики в сравнительную политологию пришла булева алгебра, суть которой состоит в анализе большого массива данных по разным странам посредством операций логического сложения и умножения. Из статики были заимствованы факторный и корреляционный виды анализа, из естественных наук синергетика и системный анализ. Из психологии — психометрические методы, а также шкалограммный анализ, из социологии — социометрия, из теории вероятности – выборочный анализ генеральной совокупности. Экстраполятивное использование методологических приемов других наук позволяет расширить диапазон исследований политических явлений.

В ряду дискуссионных проблем, обсуждаемых в компаративистике, находится проблема идентичности содержания основных категорий. Теоретическое понятие, сформулированное на материале одного политического сообщества при переносе на другое, перестает работать. Например, классическое определение политической партии как добровольной массовой организации неадекватно при исследовании политической жизни США. В России, где действуют персонифицированные партии, данное понятие также подвергается корректировке. Дж. Лапаломбара также отмечает, что компаративисты испытывают неудобства с тем фактом, что политические термины несут различную смысловую нагрузку в различных условиях. Эту мысль подчеркивают исследователи процессов демократизации в бывших коммунистических странах, где это понятие ассоциируется с антидемократической системой сравнения [10].

На данную проблему указывает российский политолог Е. Н. Мощелков. Он считает, что проблема несовместимости, неидентичности политологических категорий обусловлена различиями в философских и интеллектуальных традициях разных стран. В качестве примера он приводит широко употребляемые в политическом лексиконе понятия «авторитарный — демократический». В политических энциклопедиях и словарях Запада понятие «авторитарный» трактуется как социальная аномалия, как антипод демократии. В России интерпретации авторитаризма и демократии иные. С самого начала зарождения российской государственности в IX–X веках в России существовали авторитарные формы правления. Именно авторитарная форма власти позволяла удерживать территориальную целостность огромной страны. Благодаря централизации Россия выживала в самые сложные периоды своей истории. Российская авторитарная форма власти обеспечивала стабильность общества [11].

Российский политолог К. С. Гаджиев также уделяет внимание проблеме нетождественности политических терминов в разных странах. Он отмечает, что народовластие в России может иметь иное содержание, иные параметры, чем у американцев: «Привитие и институционализация демократических форм политической самоорганизации общества на той или иной национальной почве отнюдь не могут сводиться к механической трансплантации готовых норм, принципов и институтов западной демократии» [12]. Демократия может институционализироваться на конкретной национальной почве, если демократические ценности станут поведенческими установками большинства населения. «Легко соорудить статую свободы и поставить ее на площади Тяньаньмэнь. Но жить этими посылками, этими установками — совсем другое дело» [13].

Еще одна проблема в сравнительной политологии — это необходимость проводить исследования на стыке собственно политической компаративистики, мировой политики и мировых отношений. Перед политической компаративистикой сегодня встают новые задачи, новые требования. Это подразумевает включение в сферу анализа наднациональных и транснациональных взаимодействий. По словам А. Ю. Мельвиля, «буквально на наших глазах формируется принципиально новая транснациональная политическая среда, функционирующая

словно бы «поверх» традиционных национальных государств» [14]. Появляются новые участники мировых отношений. Это — транснациональные корпорации (ТНК), неправительственные организации (НПО), в том числе международные (МНПО), общественно–политические и иные движения, группы интересов и отдельные индивиды. Этих нетрадиционных участников мировой политики называют транснациональными акторами (ТНА). Появляются нетрадиционные каналы и инструменты транснациональных взаимодействий, включая новые информационные и коммуникационные технологии. Таким образом, перед сравнительной политологии появляются новые измерения политических процессов, новые параметры исследований.

В целом в сравнительной политологии как дисциплине нарастает тенденция к обособлению на более или менее самодостаточные группы, например, европеистов, латиноамериканцев, африканистов, слабо контактирующие между собой. Отчасти это является следствием растущей специализации, но и в то же время и результат возрастающего профессионализма. Габриэль Алмонд грустно заметил, правда, по поводу состояния политической науки в целом, что в политологии группы исследователей рассаживаются за «столы» в зависимости от своей идеологической ориентации («правые» — «левые») и методологии («жесткие» — «мягкие» методы) [15]. Можно представить отдельные «столы», за которыми располагаются специалисты по регионам со своей особой европейской, азиатской, латиноамериканской или африканской кухней и даже в этих рамках идет дальнейшее подразделение по научной специализации: изучающие политические партии трапезничают отдельно от исследователей государственной политики, специалисты по изучению местных органов власти обедают отдельно от тех, кто занимается анализом электоральных процессов. Развитие сравнительной политологии привело не только к обособлению специалистов по регионам друг от друга, но и в рамках одного региона прослеживается тенденция к усилению самодостаточности областей исследования, в каждой из которых создается своя узкая сеть связей и свой набор научных журналов. Все это указывает на возрастание фрагментации.

Также методологические дискуссии в сравнительной политологии ведутся вокруг преимущества сравнений малого числа случаев (“small N”). Ряд исследователей подчеркивают преимущества детального, глубинного анализа малого числа стран.

Необходимо упомянуть о проблемах частного характера, которые стоят перед сравнительной политологией. Первое — по-прежнему ли государства являются значимой единицей исследования. Абсолютная значимость страны как единицы анализа ставится под сомнение даже безотносительно к международному контексту. Страны меняются, поэтому необходимо иметь в виду временные различия. Если политические институты имеют значение, как тогда можно сравнивать страны, в которых меняются эти самые институты. Исследователям все чаще приходится отказываться от такой единицы анализа, как страна, и выделять конкретные подклассы переменных. А. Лейпхарт, например, изучает избирательные системы и политические последствия их функционирования, а не страны как таковые. Такая стратегия получает все большее признание, она предполагает возможность эксперимента с альтернативными единицами анализа и создает условия для учета временных различий [16].

Еще одна проблема сравнительной политологии связана с надежностью средств измерения и показателей, используемых для перевода полученных на примере отдельных государств выводов на язык сопоставимых операциональных категорий. Имеется много примеров, когда потенциально ошибочным или произвольно взятым показателям придавался абсолютный статус. Например, показатели, первоначально предложенные Лейпхартом в качестве средства выработки его знаменитого деления демократий на мажоритарную (правило большинства) и консенсусную (всеобщее согласие), которые впоследствии были включены во множество

различных исследований. Эти показатели служат лучшим средством различения двух типов демократии, они не обязательно являются единственно возможными, необходимо при любом использовании иметь в виду конкретный период времени, к которому они применялись. Недостаток сравнительной политологии состоит в том, что анализу взаимосвязи переменных уделяется внимания больше, чем качеству и надежности самих этих переменных. Именно дефицит надежных сопоставимых данных приводит к тому, что абсолютизируются те показатели, которые доступны [16].

Сегодняшний этап развития сравнительной политологии характеризуется сотрудничеством ученых, имеющих интерес к конкретным случаям и контексту. Для сравнительных исследований существенным является четкое ограничение сферы, на которой будет сосредоточен анализ. Исследуя государственный аппарат, профсоюзы, избирательные права женщин, компаративист оставляет вне поля исследования контекстуальные различия между странами. Контекст часто бывает встроен в предмет исследования и поэтому требует специального изучения. Подобная проблема в политологии носит название проблемы Гэлтона.

Одной из насущных проблем компаративистики является определение параметров, которые поддаются сравнению друг с другом. В качестве объектов сравнительного анализа используют политические системы в их целостности, их формы, типы и разновидности. В качестве объекта сравнения берут политические институты, институты лидерства, законодательные органы, партийные, избирательные системы, механизмы политической социализации и культуры.

Также в число кардинальных вопросов сравнительной политологии входят: каковы различия существующих типов политических систем относительно их «формообразующей» функции, как устанавливаются и как укрепляются различные типы. Общепризнанно, что лучшей системой является демократия, поэтому большинство сравнительных политических исследований направлены на изучение демократии: как ее установить, поддерживать, приспосабливать и улучшать, а также противостоять угрозам ее существования.

Сегодня в сравнительных исследованиях выделяются три новых направления: институционализм, девелопментализм (политический и экономический) и неоинституционализм [17]. Первый подход сосредоточен на особых механизмах функционирования политической системы как таковой: президентской или парламентской системах власти, унитарном или федеративном государственных устройствах, политических партиях и голосовании, комиссиях и выборах. Второй подход объединяет большинство теорий социетального изменения. Третий представляет сочетание первых двух. Институциональный подход составляет базис сравнительной политологии. Девелопментализм, который называет себя «новой» сравнительной политологией, в политике, экономике делает акцент на изменениях, происходящих в обществе, а не на технике управления. А неоинституционализм возвратил в поле зрения исследователей изучение функционирование политической системы и государств.

Рассматривая политической устройство, институционализм стремился охватить весь круг проблем: порядок и свободу выбора; интересы личности и общества; гражданские права и обязанности; законодательную и исполнительную власть; избирательную систему; полномочия судов и судей и преимущества писаных и неписаных конституций, преимущества унитарного государства по сравнению с федеративным, парламентарной системы перед президентской; эволюцию местных органов власти, процедурные правила поведения в парламенте, политические партии.

Институционализм остается основным подходом в сравнительной политологии. Однако институционализм оказался неспособным принять бесспорные расхождения между институционалистской теорией и практикой, когда дело дошло до установления

демократического строя в новых независимых государствах после первой и второй мировых войн. Стало ясно, что следует изучать психологические, экономические, социальные и организационные факторы вне рамок институционального анализа. Демократическая конституция Веймарской республики не смогла гарантировать функционирование демократии. То есть институционализм стал неадекватным при попытке конструирования конституций.

Девелопментализм или «новая» сравнительная политология с ее акцентом на проблемы развития появилась в атмосфере послевоенного периода. В сравнительных исследованиях доминировали два альтернативных варианта развития: теория модернизации и теория зависимости. Теоретики модернизации представляли группу специалистов по сравнительной политологии, в том числе Г. Алмонд, С. Хантингтон, Д. Аптер, некоторые из них сочетали исследования отдельного случая с аналитическими работами широкого плана по сравнительному изучению процессов развития. К сторонникам теории зависимости следует отнести из экономистов П. Барана, из политологов Г. Китчинга, К. Лиза. Для исследователей первой группы формула «деколонизация плюс рост плюс демократизация» была легитимной стратегией независимости. Представители второй группы избрали стратегию гегемонии и господства. В результате исследователи, использовавшие один и тот же материал одних и тех же стран, могли прийти к совершенно противоположным выводам.

Критика в адрес теории модернизации и теории зависимости сводилась к тому, что политика в обеих теориях трактуется как отражение экономики или социетальных процессов.

Неоинституционализм сочетает в себе прежний институционализм с теориями развития. Неоинституционализм анализирует политическое поведение, в том числе электоральное, динамику успехов и неудач политических партий, их значение для государства, проблемы элит и демократизация.

Объектом сравнительных исследований стали политические партии, их функционирование, создание блоков, изменение взглядов людей, роль элит, бюрократии и политиков в различных политических режимах. Если сторонники развития подчеркивали необходимость экономического роста как условия демократии, то неоинституционализм изучал те проблемы, которые возникают перед правительством в связи с негативными последствиями роста, включая экологические, адаптацию иммигрантов. После распада Советского Союза активизировались такие явления, как сепаратизм и религиозное сектантство и фундаментализм, ни одно не было спрогнозировано и не могло быть объяснено теориями «социального изменения» [17].

Неоинституционализм восприимчив к экономическому анализу, ибо имеет дело с финансовой и валютной политикой, банками, рынками, глобализацией. Помимо этого, он изучает изменение законодательного процесса, сдвиги в политике партий. Неоинституционализм по сравнению с институционализмом больше связан с социальной и политической теорией, а также с политэкономией.

В сравнительной политологии продолжается поиск подходящих методов, единиц сравнения для сбора и обработки данных, составления рабочих гипотез, разработка новых техник. Дискуссии продолжаются вокруг того, что лучше: «малое число примеров», подробное описание отдельного случая, каковы достоинства и недостатки больших теорий. В любом случае сравнительный анализ делает политологию более восприимчивой к многообразию норм, ценностей, институтов и социальных структур и к взаимосвязи различных форм политического поведения.

Сравнительное изучение модернизаций. В мировой компаративистике были осуществлены два больших проекта. Первый комплекс связан с масштабными сравнениями современных демократических политий. Это, прежде всего, исследование 114 политий Р. Далем. И

исследование Тату Ванханен — 119 стран в 1984 г., 147 — в 1990 г., 172 — в 1997 г. А. Лейпхарт пошел на более строгое сравнение демократий: 21— в 1984 г., 32 — в 1999 г.

Второй комплекс, это стэндфордский проект — книга «Кризис, выбор и изменение. Исторические исследования политического развития», опубликованные в 1973 г. В этот сборник вошли статьи, в которых анализировались восемь исторических казусов качественных политических изменений. Авторы взяли переломные моменты и попробовали с помощью математического аппарата формализовать соотношение политических сил, как оно складывалось в каждом из этих казусов.

Пауэлл проанализировал события, связанные с принятием в 1832 г. Акта о реформе в Великобритании, Каван — кризис 1931 г. в Великобритании, Мундт — создание Третьей республики во Франции, Риттбергер — формирование Веймарской республики, Уайт — реставрация Мэйдзи в Японии, а также приложения, содержавшие квантифицированные с помощью единого математического инструментария данные о динамике построения политических коалиций. Основное достижения исследования — обновление компаративистской методологии. Благодаря таким параметрам сравнения «статика — динамика», «детерминация–выбор» участники группы смогли достичь синтеза дедуктивных (генерационных) и индуктивных (таксономических) стратегий сравнения.

В качестве сравнения используются идеально–типические схемы. Основной единицей сравнения является конституция как устойчивый каркас отдельной политии. В качестве основных параметров сравнения могут использоваться: конфигурация функционального разделения суверенной власти; конфигурация территориального разделения суверенной власти; конфигурация субстанционального (корпоративного, общинного, консоциального) разделения власти;

Конфигурация структур посредования между лицами (подданными, гражданами) и локусом (локусами) суверенной власти, включая избирательные системы и выборы, партийные системы.

Дополнительной единицей сравнения является режим как встроенный в конституцию и наполняющий ее способ организации власти в той или иной политии. В качестве параметров сравнения могут использоваться схемы: осуществления функционального разделения суверенной власти; осуществления территориального разделения суверенной власти; осуществления субстанционального (корпоративного, общинного, консоциального) разделения суверенной власти; взаимосвязи правящего локуса режима и оппозиции (оппозиций), включая формы политического участия отдельных лиц, их политически организованных групп и других несуверенных акторов; легитимации и делегитимации актуального режима и виртуальных режимов оппозиции.

Сравнительные исследования сегодня — это объективная потребность, необходимая и живая реальность. Сравнительный анализ позволяет понять политическую практику различных стран, осуществить политический прогноз, помогает выявить ценный опыт, дает возможность учесть негативные стороны, неэффективность тех или иных политических решений. Сравнительные исследования позволяют выйти за пределы определенной страны, сделать более широкие научные обобщения. Они дают возможность проверить гипотезы на более широком материале, а также позволяет обмениваться опытом с представителями других стран. Сравнительные политические исследования являются средством и проявлением международного сотрудничества в политической науке, содействует становлению глобального консенсуса, и являются мощным универсальным инструментом, который усиливает способность понимать политические процессы других стран и оценивать собственные аксиомы.

По словам Р. Х. Чилкота: «Сравнительная политология — не та область, в которой сказано последнее слово. На ее развитие оказывают воздействие и старые и новые идеи. Такое положение вещей не только допускает дискуссии и расхождение во мнениях, но и создает предпосылки углубиться в ранее неизведанные проблемы или пересмотреть установившиеся взгляды на быстро меняющийся и развивающийся мир» [18].

Уже с конца 60-х годов сравнительная политология испытывает все большее воздействие новых методологических ориентации, связанных с возрождением интереса к политической философии и критикой рациональных оснований науки. Примерно в это время развертывается критика бихевиоризма. Можно выделить несколько оснований этой критики. Во-первых, политическая наука, в целом и сравнительная политология, в частности, оказались невосприимчивыми к новым социальным и политическим переменам, которые так бурно выявились в конце 60-х — начале 70-х годов в виде контркультурных движений молодежи. Во-вторых, попытка создать на основе бихевиоризма и структурного функционализма политическую науку, лишенную ценностной нагрузки, фактически привела к господству лишь одной теоретической парадигмы, связанной с идеологией «буржуазного либерализма». В-третьих, оказалось, что бихевиоральная и структурно–функциональная методологии сравнительного анализа, ориентирующиеся на поиск закономерных связей и подобий, фактически вели к созданию такой картины политического мира, который лишался значительной доли уникальности и многообразия. В-четвертых, преобладание количественных методов анализа в сравнительной политологии хотя и создавало возможность для проверки гипотез, но одновременно приводило к их обеднению. Фактически путем статистической проверки утверждались зачастую либо довольно банальные истины, либо уже известные зависимости. В-пятых, хотя сравнительная политология и включала в свое поле зрения страны Азии, Африки и Латинской Америки, но сформированная телеологическая концепция зависимого развития вызывала протест как у западных компаративистов, так и у исследователей незападных стран.

Возрождение интереса к политической теории и философии не могло не отразиться на состоянии эмпирически ориентированной сравнительной политологии. Некоторые исследователи заговорили даже о кризисе данной отрасли науки. Однако, соглашаясь с критикой эмпирически ориентированной сравнительной политологии, следует сказать, видимо, о том, что здесь наблюдается некоторая трансформация методологических исследовательских моделей и перенос интереса с поиска подобий и общих зависимостей на показ различий и создание новых более разнообразных классификаций.

В 70-е годы сравнительная политология вновь встала перед проблемой обновления. Хотя Г. Алмонд и говорил о том, что кризис в сравнительной политологии был скорее политическим, чем интеллектуальным, дисциплина стала изменяться и методологически, и содержательно [19]. Тематика сравнительных исследований характеризуется переходом от изучения традиционных институтов и факторов политической деятельности (государство, партии, выборы, средства массовой информации) к осмыслению новых явлений (окружающая среда политики, групповые интересы и неокорпоративизм, новые массовые движения, постматериальные ценности, этнические, языковые, возрастные и тендерные факторы). Особое значение придается исследованиям того, как формируется политический курс, как влияют на него старые и новые институты и факторы. Возникает целая самостоятельная суботрасль — сравнительная публичная политика.

Происходили и происходят серьезные перемены и в области методологии. Пожалуй, именно эти перемены заставляют говорить о кризисных тенденциях в сравнительной политологии. Прежде всего, это связано с переоценкой значения бихевиоризма и структурного

функционализма. Не случайно все еще продолжаются атаки на эти методологические подходы. Вместе с тем можно назвать следующие основные тенденции, которые характеризуют процесс методологической трансформации сравнительной политологии.

Первую тенденцию можно обозначить как *радикальную*. Наиболее четко она представлена в постмодерной и феминистской политико–теоретических ориентациях. Постмодерн и феминизм по-разному подходят к критике современного научного познания и понимания политики. Но суть критики одна: радикальный разрыв с доминированием в познании одного стиля, будем называть его «рационально–научным» или «маскулинным». Хотя эти радикальные ориентации нашли отражение прежде всего в политической теории и философии, но их влияние становится все более заметным в методологии политических исследований; и что важно для темы статьи, постмодерн и феминизм проблематизируют вопросы теории и метода в сравнительной политологии.

Отметим лишь некоторые важные для сравнительной политологии положения. Политологический постмодерн проблематизировал саму сравнительную политологию, так как поставил под вопрос саму возможность получения истинного результата познания, базирующегося на консенсусе относительно подобия структур и функций реального политического мира. «Методологии, предложенные Деррида, Фуко и Лиотаром (деконструкция, генеалогия и паралогия, соответственно), задуманы, в целом, для того, чтобы децентрировать производство языка и истины для более точного отражения случайного и относительного характера познания. Общество содержит плюральность гетероморфных языков. Генеалогический анализ обнаруживает, что история была борьбой между этими языками». Подвергая критике рационализм и рациональные модели демократии, постмодерн закладывает основы плюрализма методологических и теоретических ориентации. Однако при этом происходит фактическое возвращение к конфигуративным исследованиям, а именно это было одним из основных пунктов, на которых строился переход от «традиционной» к «новой» компаративистике.

В сравнительной политологии феминистская волна нашла отражение в исследованиях положения женщин в различных скандинавских демократиях, проблем гражданства и политического участия, особенностей публичной политики и государства всеобщего благосостояния. Феминистская сравнительная политология выделяется в самостоятельную отрасль со своими центрами, журналами и специалистами.

Вторая тенденция связана с восстановлением значения *историко–сравнительной* методологии, наиболее отчетливо проявленной, прежде всего, в современном прочтении К. Маркса и М. Вебера. Хотя Маркс и Вебер являются антагонистами в вопросах социальных закономерностей, но обе методологические традиции позволяли в этот период, с одной стороны, противостоять узости эмпирико–количественной методологии сравнения, с другой — повысить роль социальных и социально–культурных факторов объяснения (экономические и социальные структуры, религия, этничность, культура).

Еще в 60-е годы ряд ученых активно начинают использовать методологию политического сравнения М. Вебера и К. Маркса. Среди последователей Вебера можно назвать С. Эйзенштадта, Р. Бендикса и Г. Рота. Первый с помощью веберовской концепции «господства» и бюрократии провел сравнительный анализ имперских форм правления еще в 60-е годы, а позже — клиентелистских отношений в политике, не говоря уже о более масштабных компаративистских проектах. Р. Бендикс, исследуя развитие национальных государств в Западной Европе, России, Японии и Индии, опирался на веберовские понятия рациональности и традиционности, патримониализма, бюрократизации, плебисцитарной

демократии [20]. Г. Рот придавал особое значение концепции патримониализма в процессе сравнительного анализа политического развития в третьем мире.

В 60–80-е годы возрождается интерес к марксистской концепции классов, классовой борьбы, собственности, типа производства как объяснительным факторам политического развития, революций и становления государств. Так, Б. Мур одним из первых использовал концепции буржуазных и сельскохозяйственных социальных структур для объяснения возникновения капиталистической демократии, фашизма и коммунизма. Т. Скокпол для объяснения революций во Франции, России и Китае применила концепции социальной структуры и конфликта.

Одновременно с этим в начале 70-х годов появляются исследования, посвященные методологическим проблемам сравнения у М. Вебера и К. Маркса. Особое значение имеет фундаментальная работа, изданная под редакцией И. Валиера в 1971 г., «Сравнительные методы в социологии», в которой большие главы посвящены К. Марксу и М. Веберу. Содержательные попытки вписать марксистскую традицию в политическую компаративистику были предприняты П. Калвертом и Р. Чилкотом.

Подход М. Вебера характеризуется сегодня как сравнительно–историческая методология, совмещающая позитивизм и неокантианство. Калберг в своей недавней работе, посвященной Веберу и его методу сравнения, видит специфику веберовской методологии, во-первых, в интерпретативном понимании социального действия, включающем в себя как объективные, так и субъективные компоненты; во-вторых, в концепции идеальных типов, которые снимают оппозицию теории интерпретации и позитивизма; в-третьих, в концепции мультикаузальности объяснения политико–социальных явлений. Он подчеркивает, что «Вебер говорит о таком уровне анализа, который отличается от исключительного сосредоточения, с одной стороны, на одиноких и преследующих свои интересы индивидуумах, и, с другой стороны, на глобальных обобщениях «общества», на органических «системах» и простой ориентации на нормы. Поступая так, он обращает свое внимание на объединение субъективного смысла и индивидуального действия с отчетливо социальными ориентациями».

Третья тенденция может быть определена как *обновленческая.* Она связана с расширением методологических инструментов научного сравнительного анализа путем обращения к новым концептуальным подходам, которые позволяют использовать и развивать наработанный комплекс средств статистического анализа и одновременно разрешать проблему единства количественного и качественного исследований. Эта тенденция не чужда использованию всего положительного, что было проявлено в радикальной и историко–сравнительной ориентациях. Из последних работ этого направления следует отметить сборники под редакцией Г. Виарды «Новые направления в сравнительной политике» и Х. Кемана, работы Ж.–Э. Лейна и С. Эрссона «Сравнительная политика: Введение и новые подходы», Д. Сартори «Сравнительный конституционный инжиниринг: Исследования и структуры, намерения и результаты», П. Пеннингса, Х. Кемана и Я. Кляйнненуиса «Проведение исследований в политической науке. Введение к сравнительным методам и статистике», Г. Питерса «Сравнительная политика. Теория и методы». Однако с целью большей строгости здесь будет обращено внимание на собственную значимость обновленческой тенденции.

Во-первых, критике стал подвергаться структурный функционализм за формальность и отсутствие возможности при его использовании ответить на вопрос, почему те или иные государства и политические системы различаются в ходе реализации своих функций. Генри Туне в этой связи писал: «То, что утвердилось под именем теории — структурно–функциональная теория, или теория Парсонса, — было лишь набором категорий для упорядочивания опыта. Человеческие потребности, определенные Маслоу, например, служили

скорее политическим целям государства всеобщего благосостояния, чем целям исследовательского объяснения. Сегодня, после такого внимания к ним, они вряд ли используются». Отсюда возрос интерес к таким теоретическим моделям, которые бы определяли сравнительное исследование изначально. Значительно повышалась роль теории при формулировке гипотез, при проявлении сравнения и интерпретации эмпирических данных. Теория приобретает не инструментальное значение для сравнения, а становится целью сравнительного анализа. Термин «теория», пишет в этой связи Стефан Новак, должен отсылать к «возможно недвусмысленному комплексу или системам законов, или к широким законосообразным обобщениям, объединенным на основе общего унифицированного принципа, с ясно обнаруживаемыми топологиями и (или) историческими условиями их обоснованности».

Во-вторых, во многом новое понимание в теории определяется спором вокруг проблемы национального государства как основной единицы сравнительного анализа. Хотя сравнительный метод отличается от статистического, но отличия эти зачастую трактовались как количественные, типа «мало случаев, много переменных». Корреляции между переменными рассматривались как достаточные для проверки выдвигаемых гипотез о каузальности отношений между факторами. Конечно, говорилось о необходимости сопровождать количественные данные качественной интерпретацией, но это уже рассматривалось как дополнительное условие исследования. Множество данных, приведенных в 60-е и 70-е годы с использованием изощренной математической техники, все же стали вызывать вопросы. И один из главных: можно ли рассматривать отдельную страну или национальное государство как независимые единицы анализа? В качестве решения этой проблемы стал формироваться так называемый «холистский подход», получивший различное толкование в исследованиях таких ученых, как Л. Сильверман, А. Пшеворски, Г. Туне, С. Анттила. «Холлистский подход» предполагает рассмотрение различных пространственных образований (т. е. национальных государств) как некоторых взаимосвязанных частей целого, описанного теорией [21].

В-третьих, критическое отношение к сравнительным исследованиям макроуровня выявило две основные тенденции решения теоретико–методологических и технико–методологических проблем. С одной стороны, утверждалось, что макротеория чрезмерно упрощает социальную реальность и может даже основываться на ложных предпосылках. Это означало, что исследование не получает теоретической модели, которая бы адекватно воспроизводила реальность. Решение при этом виделось в акценте на качестве данных, на сложности и уникальности макрополитических событий, на возврате к истории (т. е. к «реальному» времени, месту, народу). С другой стороны, критика сравнительно–исторической тенденции в политологии и политической социологии за отрицание в ней общей теории и стремление к уникальности приводила к попыткам создания новых теоретических моделей, которые бы позволяли сочетать эмпирический (в том числе количественный) анализ с широкими обобщениями каузальных отношений. Результатом второй ориентации явились заимствованные из экономических и социологических учений модели рационального выбора, теории игр, концепции неоинституционализма, теории политических сетей.

Конечно, обсуждение проблем сравнительной политологии сегодня, в XXI в., не сводится всецело к радикальной, сравнительно–исторической и обновленческой тенденциям. Можно отметить и иные, более частные или более традиционные исследования. Так, совершенствуется и расширяется сфера использования математических методов анализа (например, новое для сравнительной политологии использование булевой алгебры и проявившийся интерес к логике нечетких множеств), возрастает значение методов сравнения наиболее похожих и наиболее непохожих систем, уделяется особое внимание проблеме эквивалентности в сравнении, повышается роль такой переменной, как «время» и т. д. Следует отметить также и изменения

тематики сравнительной политологии. В поле зрения на этом этапе попадают переходные процессы, конфликты, региональная интеграция, политический дискурс, новая политическая идентификации, политические финансы, коррупция, демократический аудит и т. д., относительно самостоятельными являются такие направления, как демократизация и транзитология. В целом, вряд ли следует говорить о снижении интереса к сравнительной политологии, можно лишь констатировать серьезную перестройку ее методологии и тематики.

Список литературы:

1. Macridis R. The Study of Comparative Government. N.Y., 1955.
2. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М.: Мысль, 1997.
3. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: уч. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
4. Deutch K. Systems Theory and Comparative Analysis / Comparative Politics. Belmont. California, 1996.
5. Ильин М. В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Полис. 2001. №6.
6. Сморгунов Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб., 1999. 48 с.
7. Бартон В. И. Сравнение как средство познания. Минск. 1978.
8. Митрохина Т. Н. Методологические особенности политической компаративистики // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2004. №4.
9. Джексон Дж. Политическая методология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
10. Уайтхед Л. Сравнительная политология: исследование по демократизации // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
11. Мощелков Е. Н. Метод сравнительного анализа в исследованиях истории политической мысли: основные проблемы // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2002. №5.
12. Гаджиев К. С. Сравнительная политология // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1996. №2.
13. Подберезкин И. В. Цитата по Гаджиеву К. С. Сравнительная политология // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1996. №2.
14. Мельвиль А. Ю. Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. 2004. №5.
15. Almond G. A Discipline divided: Schools and sects in political science. Newbury Park; L.; N. Delhi.: Sagepubl., 1990. 348 p.
16. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М.,1999.
17. Ильин М. В. Основные методологические проблемы сравнительной политологии // Полис. 2001. №6.
18. Аптер Д. Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
19. Чилкот Р. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М.: Изд–во «Весь мир», 2001.
20. Almond G. A voice from the Chicago school // Comparative European politics: The story of a profession / Ed. by Daalder H. L., N. Y.: Pinter, 1997. 377 p.

21. Bendix R. Kings or people: Power and the mandate to rule. Berkeley: Univ. of California press, 1978. XII. 692 p.

22. Anttila St. Aspects of macro–sociological methodology. Uppsala: Uppsala univ., 1993. V. 384 p.

References:

1. Macridis R. The Study of Comparative Government. N.Y., 1955.

2. Iston D. Kategorii sistemnogo analiza politiki [Categories systemic policy analysis]. Antologija mirovoj politicheskoj mysli [Anthology of world political thought]. In 5 v. V. 2. Zarubezhnaja politicheskaja mysl'. XX v. [Foreign political thought. XX century]. Moscow, Mysl', 1997.

3. Almond G. Sravnitel'naja politologija segodnja: mirovoj obzor [Comparative political science today: a world survey]: training manual. Moscow, Aspekt Press, 2002.

4. Deutch K. Systems Theory and Comparative Analysis / Comparative Politics. Belmont. California, 1996.

5. Il'in M. V. Osnovnye metodologicheskie problemy sravnitel'noj politologii [The main methodological problems of comparative politics]. Polis, 2001, no. 6.

6. Smorgunov L. V. Sravnitel'naja politologija: teorija i metodologija izmerenija demokratii [Comparative Politics: Theory and methodology of measuring democracy]. St. Petersburg, 1999. 48 p.

7. Barton V. I. Sravnenie kak sredstvo poznanija [Compare as a means of knowledge]. Minsk, 1978.

8. Mitrokhina T. N. Metodologicheskie osobennosti politicheskoj komparativistiki [Methodological features of comparative political]. Vestnik MGU, Series 12, Politicheskie nauki, 2004, no. 4.

9. Jackson J. Politicheskaja metodologija: obshhie problem [Political Methodology: Common Challenges]. Politicheskaja nauka: novye napravlenija [Political science: new directions]. Moscow, 1999.

10. Whitehead L. Sravnitel'naja politologija: issledovanie po demokratizacii [Comparative Politics: A Study on democratization]. Politicheskaja nauka: novye napravlenija [Political science: new directions]. Moscow, 1999.

11. Moshchelkov E. N. Metod sravnitel'nogo analiza v issledovanijah istorii politicheskoj mysli: osnovnye problem [Comparative analysis method to study the history of political thought: the basic problems]. Vestnik MGU, Series 12. Politicheskie nauki, 2002, no. 5.

12. Gadzhiev K. S. Sravnitel'naja politologija [Comparative Political]. Vestnik MGU, Series 12, Politicheskie nauki, 1996, no. 2.

13. Podberezkin I. V. Quote by Gadzhiyev K. S. Sravnitel'naja politologija [Comparative Political]. Vestnik MGU, Series12, Politicheskie nauki, 1996, no. 2.

14. Mel'vil' A. Yu. Eshhe raz o sravnitel'noj politologii i mirovoj politike [Once again on comparative politicals and international politics]. Polis, 2004, no. 5.

15. Almond G. A Discipline divided: Schools and sects in political science. Newbury Park; L.; N. Delhi.: Sagepubl., 1990. 348 p.

16. Mer P. Sravnitel'naja politologija: obshhie problemy [Comparative Political: common problems]. Politicheskaja nauka: novye napravlenija [Political science: new directions]. Moscow,1999.

17. Il'in M. V. Osnovnye metodologicheskie problemy sravnitel'noj politologii [The main methodological problems of Comparative Political]. Polis, 2001, no. 6.

18. Apter D. Sravnitel'naja politologija: vchera i segodnja [Comparative Political: Yesterday and Today]. Politicheskaja nauka: novye napravlenija [Political science: new directions]. Moscow, 1999.

19. Chilkot R. Teorii sravnitel'noj politologii. V poiskah paradigm [Theories of of Comparative Political. In search of paradigm]. Moscow, Izd–vo Ves' mir, 2001.

20. Almond G. A voice from the Chicago school // Comparative European politics: The story of a profession / Ed. by Daalder H. L., N. Y.: Pinter, 1997. 377 p.

21. Bendix R. Kings or people: Power and the mandate to rule. Berkeley: Univ. of California press, 1978. XII. 692 p.

22. Anttila St. Aspects of macro–sociological methodology. Uppsala: Uppsala univ., 1993. V. 384 p.

Работа поступила в редакцию
24.02.2016 г.

Принята к публикации
28.02.2016 г.